

Сюй Тай, вспомнив о Ван Чуаньдэне и Чанъане, нахмурился ещё мрачнее: «...Что они задумали?»

Лун Фэйань, не теряя времени: «Что бы они ни замыслили, господин Сюй, лучше действовать быстро. Ваш... подопечный больше ждать не может. Если печать души три года не найдёт плоти, она начнёт медленно распадаться. Тело Цзи Саньмэя — лучшее, что есть в этом мире, оно под защитой Небесного Пути и способно вместить любую душу. Вы смогли призвать его однажды, но вряд ли он явится во второй раз.»

Выражение лица Сюй Тая постепенно застыло, закрепившись в слове «жестокость» и не желая меняться. Добродушная плоть на его лице напряглась, на тучных щеках выступили жёсткие складки.

Было, однако, кое-что, чего Лун Фэйань не договорил.

— Не только тело, но и особый духовный корень Цзи Саньмэя был в этом мире единственным в своём роде.

Восемь лет назад, в смутные времена, Лун Фэйань, которого все презирали как «еретика», только-только начал добиваться кое-какого успеха в деревне Ишуй, когда повстречал Цзи Саньмэя.

Тот одним лишь словом решал, жить или умереть демонам и яо. Он загнал Лун Фэйаня в угол, отняв у него последний клочок земли под ногами.

Лун Фэйань ненавидел его и злился, но, изучив множество древних трактатов, он отчётливо понял: Цзи Саньмэй — сокровище, а его особый духовный корень — редчайшая диковина, какую не встретить и за тысячу лет.

До чего же могущественен был этот духовный корень?

Даже прибегнув к запретному человеческому жертвоприношению, даже переложив грязное обвинение на Цзи Саньмэя, Лун Фэйань, вложив в удар все свои силы, смог лишь отрубить ему правую руку.

Теперь он наконец вырастил ещё одну дочь, собрал семь ядер яо и может вновь совершить человеческое жертвоприношение. Но силу Шэнь Фаши он в этой битве разглядел ясно.

Если позволить Цзи Саньмэю уйти с Шэнь Фаши в горы, то даже три или четыре новых жертвоприношения не помогут ему вновь завладеть Цзи Саньмэем.

... Упустишь сейчас — и второго шанса не будет.

В это время в уединённом дворике Шэнь Фаши и Цзи Саньмэй спали, обнявшись.

Цзи Саньмэй лениво зевнул: «Чанъань запечатал всех призрачных колесниц?»

Только что, когда Шэнь Фаши предавался «резне», помимо запаха крови он уловил довольно густой аромат ветвей дерева утун.

Он обернулся и украдкой взглянул: маленькая веточка утун медленно перебиралась через стену двора и при лунном свете, довольно неумело изгибая листву, показала ему крошечное сердечко.

Шэнь Фаши кивнул, подтверждая слова Цзи Саньмэя, и спросил в ответ: «Что ты сделал с той призрачной колесницей?»

Цзи Саньмэй, уткнувшись лицом в его грудь: «Сказал, что я — перерождение её ребёнка, и назвал её матушкой. Она поверила. Расскажет нам всё, что знает.»

Обмануть яо — что ж, вполне в духе грязных уловок Цзи Саньмэя.

Но Цзи Саньмэй лишь усмехнулся, ни капли не смущаясь, и, накрутив на палец прядь волос, принялся дразнить киноварную жемчужину на груди Шэнь Фаши: «Учитель, смотри за мной в оба. Если она меня похитит — вызволяй.»

Шэнь Фаши: «Угу.»

Цзи Саньмэй продолжил делиться своим открытием: «Да и Сюй Тай с Лун Фэйанем — у них на уме недоброе.»

Всё, что ни скажет Цзи Саньмэй, Шэнь Фаши принимает безоговорочно: «Угу.»

Цзи Саньмэй: «Смотрят на меня, как пёс на мясную пампушку.»

Шэнь Фаши: «Ты — мясная пампушка?»

Цзи Саньмэй задумался, нашёл резонным и с наглой ухмылкой поправился: «Я — лунный свет.»

Шэнь Фаши: «Спи. Шэнь Саньмэй.»

И Шэнь Саньмэй, довольно сжав раненую ладонь, закрыл глаза, не желая, чтобы боль нарушала их идиллию.

Шэнь Фаши опустил взгляд. Ребёнок в его объятиях — глаза-полумесяцы, будто всегда готовые улыбнуться, мягкие алые губы, чуть влажные... Он отвернулся, щёки вспыхнули румянцем, не в силах смотреть дольше.

Если бы Цзи Саньмэй и впрямь был мясной пампушкой, Шэнь Фаши с радостью стал бы тем самым псом.

Шэнь Фаши прошептал: «Если ты — лунный свет, то я стану волком при луне.»

Проснувшись утром, Цзи Саньмэй не нашёл Шэнь Фаши в комнате.

Проколотый чешуёй порез на ладони уже зажил. Лёгкое покалывание сменилось прохладным смолистым ароматом, но странное ощущение не уходило — будто кто-то держал его за руку, осторожно разжимал сжатые пальцы и оставил на ладони сотни поцелуев.

Помедлив мгновение, Цзи Саньмэй поцеловал собственную ладонь, затем поднялся и принялся искать курительную трубку.

Её подавил застенчивый, с пылающими щеками Чанъань.

Неизвестно, сколько он просидел у кровати, не шелохнувшись, уставившись на спящего.

В его глазах поцелуй Цзи Саньмэя в ладонь выглядел так, будто тот целовал оставленную им

жидкость.

...И-инь.

Чанъань смотрел на прекрасное личико младшего брата по учению, воображая, как наносит на него ещё больше этой жидкости.

Цзи Саньмэй же отнёсся к вторжению Чанъаня в его покои спокойно. Ребёнку всего три года, листья ещё не отросли — нечего и ожидать, что он быстро усвоит и поймёт все эти человеческие церемонии.

Что поделаться, Цзи Саньмэй, сам растивший детей, всегда был к малышам особенно снисходителен.

В глазах Чанъаня извивалась целая серебряная река: «...Младший брат, я вчера зацвёл.»

Цзи Саньмэй, зажав в зубах золотую нефритовую трубку и вождеюще мысленно ощупывая отсутствующего Шэнь Фаши, одобрительно произнёс: «Молодец.»

Чанъань извлёк из-за спины небольшой букетик: «Младший брат, ты говорил, что хочешь мои цветы. Держи.»

«С какой стати?»

Чанъань подумал: «Младший брат, девять дней не виделись — будто двадцать семь осеней миновало.»

...Что ж, язык у этого деревца подвешен — сразу видно, выучка Ван Чуаньдэна.

Принимая цветы, Цзи Саньмэй заметил, что лицо Чанъаня алело, как вечерняя заря, и под лучами раннего летнего солнца от него, казалось, струился видимый глазу пар — вот-вот, и самовозгорится.

...Подарить букет — а ведёт себя так, будто собирается вручить сам себя.

Цзи Саньмэй вдруг что-то вспомнил, и рука его едва заметно дрогнула.

Он припоминал, что где-то читал: цветы у растений — это...

И впрямь, от этих маленьких белых цветков исходил какой-то развратный, соблазнительный аромат — совсем не невинный.

Цзи Саньмэй убрал цветы, поднялся с кровати, умылся, прибрал волосы, надел просторную монашескую рясу того же цвета, что и у Шэнь Фаши. Только он вышел из комнаты, как увидел Ван Чуаньдэна и Шэнь Фаши, выходящих из каморки, где содержали призрачную колесницу. Руки Ван Чуаньдэна были в крови.

Цзи Саньмэй, собиравшийся было использовать родственные чувства для мирной беседы с призрачной колесницей, первым делом спросил: «Ты её съел?»

Ван Чуаньдэн взглянул на него с немым изумлением и спокойно ответил: «Я не настолько груб. Просто содрал с неё чешую, а потом сказал, что её ребёнка повешу сушиться на ветру, а потом скорблю воронам. После этого она всё и рассказала.»

Цзи Саньмэй: «...»

Ван Чуаньдэн, хоть я и не люблю указывать, но так и в ад угодить недолго.

Впрочем, Цзи Саньмэй не стал осуждать методы Ван Чуаньдэна. Первые десять лет его жизни были полностью разрушены яо, и он выбрал потратить оставшиеся годы на месть всем встреченным демонам — что тут скажешь.

Шэнь Фаши сказал: «Чуаньдэн, расскажи, что выяснил.»

Ван Чуаньдэн не спешил, сначала повернулся к послушно вышедшему Чаньяню: «Уши заткни. Взрослые разговаривают, детям слушать не положено.»

Единственный настоящий ребёнок, Цзи Саньмэй, зажав в зубах мундштук, по примеру Чаньяня заткнул уши.

Ван Чуаньдэн тут же метнул на него взгляд, ясно говоривший: «А ты тут самый бессовестный, сам не знаешь?»

Все эти дни Шэнь Фаши отправлял Ван Чуаньдэна и Чаньяня выяснять цели призрачной колесницы. В процессе расследования Ван Чуаньдэн вышел на Сюй Тая.

И это расследование принесло немало занятного.

...

На свете есть бесчисленное множество вкусов — в образе жизни, в еде и питье, в удовольствиях. Особенно в последнем — всегда найдутся пристрастия, о которых не говорят вслух.

Кто-то любит мужчин, обожая миг их покорения.

Кто-то предпочитает детей, говоря, что больше всего любит их страдальческий, растерянный вид, когда им больно, но они не понимают, в чём провинились.

Так что, если кто-то любит беременных женщин — это тоже не кажется чем-то непостижимым.

Им нравятся эти «возделанные», созревшие женщины; их развратность, а под ней — дрожь и страх, порождённые врождённым материнским инстинктом; нравится шевеление под круглым животом, словно тихие колокола жизни, что звонят совсем рядом.

<http://bllate.org/book/16281/1466258>